

Научная статья
УДК 94 (470.324)
DOI: 10.47438/2309-7078_2024_1_149

ВЛАСТЬ И КРЕСТЬЯНСТВО ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В ПЕРИОД ОБЪЯВЛЕНИЯ РЕФОРМЫ 1861 ГОДА

Иван Александрович Перепелицын¹, Раиса Викторовна Обоимова²

Воронежский государственный педагогический университет^{1, 2}
Воронеж, Россия

¹Аспирант кафедры истории России, тел.: (473) 255-06-67, e-mail: iap98@mail.ru

²Аспирант кафедры истории России, тел.: (473) 255-14-78, e-mail: raia789456852@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются отношения и действия властей и крестьянства в период объявления отмены крепостного права. Опасаясь социального взрыва в ответ на предложенные условия аграрной реформы, власти предприняли ряд предупредительных мер, направленных на минимизацию недовольства крестьян и скорейшее подавление их возможных выступлений. Преобладающей реакцией со стороны крестьян стало доминирование чувства обманутых надежд, разочарование, ожидание скорого получения «настоящей» воли. На этом фоне в различных местах Центрального Черноземья вспыхивали протестные выступления, потребовавшие от правительства и местных властей проведения не только разъяснительных и пропагандистских мероприятий, но и использования жесткого силового подавления.

Ключевые слова: российское крестьянство, центральная и местная власть, отмена крепостного права, аграрный вопрос, отношение крестьян к реформе.

Для цитирования: Перепелицын И.А., Обоимова Р.В. Власть и крестьянство Центрального Черноземья в период объявления реформы 1861 года // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2024. № 1. С. 149–153. DOI: 10.47438/2309-7078_2024_1_149.

Введение

Отмена крепостного права 19 февраля 1861 г. стала важнейшим переломным моментом в истории России. Она вызвала к жизни серию других преобразований, затронувших основные сферы российской действительности, стала катализатором серьезных социальных и экономических изменений. Между тем, отношение к аграрной реформе в различных слоях общества и властных структурах было неоднозначным, она получала самые различные оценки. Были силы, которые обвиняли императора и разработчиков реформы в излишнем радикализме, неправомерном ущемлении интересов помещичьего дворянства. Существовала резкая критика грабительского характера реформы по отношению к крестьянству, неприятие ее ярко выраженной помещичьей направленности. Имелось мнение о том, что в реформе был в максимально возможной степени реализован разумный компромисс в учете интересов государства, помещиков и крестьян. В данной статье рассматривается отношение центрально-черноземного крестьянства к объявленной воле и условиям освобождения от крепостной зависимости.

Результаты

Обнародование комплекса законодательных актов, подписанных императором Александром II 19 февраля 1861 г., объявлявших и регламентировавших аграрную реформу (манифест, общие и местные положения, дополнительные правила), началось в стране с 5 марта 1861 г. В центрально-черноземных губерниях документы были оглашены 10–11 марта. Власти, как в центре, так и в регионах, испытывали беспокойство по поводу того, какой будет реакция крестьян на объявленную реформу. Император еще в 1858 г. спрашивал у министра внутренних дел С.С. Ланского, кто «может поручиться, что когда новое положение будет проводиться в исполнение и народ увидит, что его ожидания не сбылись, не настанет ли для него минута разочарования?» [1, с. 587]. Региональные власти и помещики также осознавали существовавшую опасность резкого неприятия крестьянами условий освобождения. В связи с этим, предпринимались меры для предотвращения, а если понадобится, то локализации и подавления, возможного крестьянского недовольства. Министерство внутренних дел разработало и отправило в регионы инструкцию о порядке вызова команд в случае

аграрных беспорядков. Начальникам губерний по-ступила ведомость, в которой содержалась информация о расположении штабов войск, чтобы они, при возникновении чрезвычайных ситуаций, имели возможность обратиться за срочной помощью к ближайшему воинскому начальству. Специальные предписания направлялись полицейским структурам.

В губернии для усиления контроля за положением дел командировались в начале марта представители императора. В Воронежской губернии им стал генерал-майор П.К. Мердер (заменен 7 апреля флигель-адъютантом бароном Оффенбергом), Курской – флигель-адъютант А.С. Корсаков, Орловской – генерал-майор Н.К. Толь, Тамбовской – генерал-майор Ф.Ф. Винценгероде. Губернаторы получили указание С.С. Ланского, что «высочайше повелено по прибытии свиты е.в. генерал-майоров или флигель-адъютантов Манифест обнародовать незамедлительно» [2, л. 54]. Им были предоставлены широкие полномочия, все местные власти, а также «ближайшие воинские начальники», должны были беспрекословно выполнять распоряжения царских посланников [3, с. 3–4]. На необходимость подавления возможных беспорядков в самом их начале обращали внимание как центральные, так и региональные власти.

Большие надежды в усилиях по успокоению крестьян правительство возлагало на приходских священников, отдавая себе отчет в том, что «церковные требования и церковные влияния весьма много значат в крестьянской жизни» [4, с. 184]. В письме руководителя Редакционных комиссий В.Н. Панина обер-прокурору Синода А.П. Толстому 24 ноября 1860 г. говорилось о важности «вменить в обязанность приходским по губерниям священникам, чтобы они, не давая поручению вида исполнения предписания начальства..., при каждом удобном случае внушали бы крестьянам, чтобы они и впредь усердно и постоянно исполняли свои обязанности в отношении государя и установленным от него властям, объясняя при том, что дарованные крестьянам права и льготы упрочат их благоденствие лишь при постоянном их трудолюбии, нравственном подчинении и точном исполнении облегченных повинностей в отношении к владельцам земли» [5, с. 183]. Священники, используя свой авторитет среди прихожан, должны были стремиться убедить крестьян, что по-отечески заботящийся о них император сделал все возможное на данный момент для улучшения их благосостояния, а если некоторые посчитают «свое положение не столь удовлетворительным, как ожидали», то таким нужно объяснять, «что свобода не в том состоит, чтобы поступать по неограниченному произволу» [6, с. 353]. На основании таких подходов, Синод 17 февраля 1861 г. разослал по епархиям специальную инструкцию, определявшую подходы и меры по обеспечению народного спокойствия в ходе обнародования аграрного законодательства. Опираясь на этот документ, в епархиях разрабатывали собственные инструкции и поучения, которыми должно было руководствоваться приходское духовенство. Воронежский архиепископ Иосиф указывал местному духовенству «не произносить никаких проповедей на

злобу дня», «избегать всякого вмешательства в отношения между помещиками и крестьянами» на стороне последних [7, с. 42].

В своей основной массе крестьяне, узнав о содержании реформы, почувствовали себя обманутыми в ожиданиях. По мнению жандармского штаб-офицера из Тамбовской губернии, крестьянами манифест «встречен равнодушно вследствие непонимания как дарованных им преимуществ, так равно отношений их к помещикам, на землях которых они поселены, и, может быть, и вследствие разочарования в исполнении несбыточных надежд обладать всею землею помещичьих имений» [8, л. 1]. В деревне стало распространяться мнение о подложности объявленного народу манифеста, якобы зачитывался не подлинный царский документ, а составленный самими помещиками текст. При этом получили хождение «манифесты», составленные какими-то людьми в соответствии с крестьянскими требованиями. В них, отмечал начальник Воронежского губернского жандармского управления Скачилов, «объясняется крестьянам о даровании им совершенной свободы с представлением всей земли в полную собственность» [9, л. 2]. Подобные «манифесты», а также разъяснения людей, которые якобы были знакомы с истинными текстами, пользовались популярностью в крестьянской среде. Тамбовский губернатор К.К. Данзас 10 апреля 1861 г. получил информацию от исправника Моршанского уезда о том, что в крестьянской среде наблюдается большое «недоверие к начальству и помещикам», поэтому он приказал «всех, кто будет разглашать ложные толки, брать и представлять к нему» [10, с. 486]. Региональным властям приходилось настойчиво объяснять смысл царского «Манифеста» и «Положений». Так, по приказу К.К. Данзаса было отпечатано 5 тысяч листовок, призванных убедить крестьян в справедливом характере отмены крепостного права, в надежде, что, прочитав их, они «не будут слушать ложных толкователей» [8, л. 39–40].

Шеф жандармов 2 мая 1862 г. предписал своим штаб-офицерам принимать строгие меры «не только для предупреждения могущих произойти недоразумений и беспорядков, но также и для строжайшего преследования виновных в распространении фальшивых бумаг между жителями» [9, л. 2]. Аналогичные указания от министерства внутренних дел получили 7 мая 1862 г. все губернаторы, от них требовалось «незаметным образом, постоянно и при всяком возможном случае узнавать» о подложных манифестах. Рекомендовалось меры «наблюдения и разведывания» не подвергать огласке, поскольку «слухи о принимаемых против ложного манифеста предосторожностях могли бы возбудить в народе предположение, что Манифест действительно существует, и притом не подложный, но его скрывают». Надлежало «особенно указывать на обличающую его подложность форму его распространения, ибо Манифесты распространяются в церквях и объявляются всенародно, а не проникают в народ тайно, помимо установленных властей» [11, л. 5]. Эти приказы центрального ведомства региональные власти транслировали на места. Тамбовский губернатор наставлял земских исправников: сохраняя «совершенную

тайну», следить «бдительным и неусыпным образом» за появлением таких бумаг и, в случае их обнаружения, изымать и доставлять к нему «с нарочным в собственные руки, принимая между тем строгие и решительные меры к предупреждению распространения их между народом и, в особенности, временно-обязанными крестьянами» [11, л. 5].

В деревне появился спрос на грамотных людей, способных дать такую интерпретацию аграрных законов, которая отвечала бы ожиданиям крестьян. Жандармский штаб-офицер объяснил поступившее в начале мая 1861 г. требование к помещику более 400 крестьян одного из селений Тамбовского уезда о переводе их с оброка на барщину тем, «что кто-то неправильно истолковал крестьянам из положения одну из статей, касающихся оброка, и они поняли, что если в настоящем году останутся на том самом оброке, то будут платить его и в продолжении 20-ти лет» [8, л. 20 об.]. «Вразумлять» крестьян полиции пришлось, подвергнув порке розгами шестерых наиболее активных возмутителей спокойствия. В деревне Гаврилова Гута Севского уезда Орловской губернии крестьяне в апреле 1861 г. посчитали себя полностью свободными от исполнения полагавшихся в пользу помещика повинностей, наоборот, стали производить порубки принадлежавшего ему леса, отстранили от должности слишком лояльного помещику старосту. Усмирять взбунтовавшихся крестьян пришлось местному предводителю дворянства и жандармскому полковнику, опираясь на роту солдат Севского пехотного батальона. В ходе подавления волнения 28 человек были висечены розгами, 3 отправлены под арест, а 4 отданы под суд [12, л. 1 об.–13 об.]. В рапорте исправника 27 апреля 1861 г. отмечалось, что «неповиновение, своеволие и уклонение от господских работ произошло от ложного толкования положения» [12, л. 12 об.].

Всего весной 1861 г. в четырех центрально-черноземных губерниях документально было зафиксировано 63 крестьянских волнения [13, с. 61]. Рассматривая формы крестьянского протеста после оглашения реформы, В.Н. Фурсов отметил большое число отказов со стороны крестьян исполнять повинности в пользу помещика. По его подсчетам, в четырех центрально-черноземных губерниях произошло 50 волнений (79,4 % от общего числа) из-за нежелания отбывать барщину и оброк; вспыхивали также волнения, связанные с отказом выполнять распоряжения помещика (11,1 %), борьбой за преобладание в сельской администрации и другие виды неповиновения (9,5 %) [14, с. 127]. Как видим, недовольство крестьян в первые месяцы после объявления воли определялось разнообразными причинами, в том числе разочарованием предлагавшимися условиями реформы, осознанием ее несправедливого характера, непониманием или неверным толкованием содержания аграрного законодательства в целом или его отдельных статей, недоверием к местным помещикам и властям, якобы скрывавшими истинный манифест и подлинные положения. Судя по всему, крестьяне в своей основной массе действительно считали, что император, проявляя отеческую заботу о них, подписал истинные документы, дававшие им полную волю с

закреплением всей земли. Они полагали, что «государь император прислал всем бывшим помещичьим крестьянам о совершенной их вольности бумагу..., в коей государь написал, что даруя вольность крестьянам, запретил им ходить на барщину, но помещики бумагу ту задерживают, и что государю от помещиков за это выходит плохо, то государь приказал: всем крестьянам выбиваться от помещиков на волю силой» [10, с. 481]. В связи с этим крестьяне, как им казалось, имели полное право бороться за осуществление истинных решений императора и настоящую волю. Для подавления волнений широко привлекались силы полиции и жандармерии, использовались военные команды. Со стороны властей практиковались массовые порки розгами наиболее активных «бунтовщиков», отправление в работные дома и арестантские роты, административные высылки [15, с. 29–30].

Недовольство крестьян только укрепилось, когда началась практическая реализация реформы. Фактические данные убеждают в том, что в дальнейшем «вторая половина 1861, 1862, 1863 гг. прошли под знаком активного протеста против принятия уставных грамот» [14, с. 127]. По источникам удалось установить, по меньшей мере, 68 волнений, связанных с отказом выполнять распоряжения помещика: «нежелание принимать уставные грамоты, переселиться, вносить выкупные платежи и дополнительные денежные сборы, сопротивление отрезке наделной земли, требованию переселения на новые места» [14, с. 129]. Масштабы крестьянских выступлений были столь значительными, что для их подавления, как правило, требовалось привлечение военных подразделений и жесткие показательные наказания зачинщиков и активистов.

С отменой крепостного права более отчетливо стали проявляться изменения в социальной психологии крестьян. Исчезала прежняя всемерная покорность, они начинали претендовать на равноправные отношения, использовать жалобы и требования к помещикам и в различные инстанции для отстаивания своих интересов, оказывать неповиновение и сопротивление представителям власти и помещикам, проявлять в борьбе солидарность, настойчивость и убежденность в своей правоте [16, с. 120–127].

Выводы

Таким образом, содержание реформы 1861 г. в целом не соответствовало представлениям крестьян о справедливом разрешении аграрного вопроса. Они не принимали положений о праве собственности помещиков на все земли, введении временнообязанного положения, сохранении за помещиками большой власти над ними, возможности переноса крестьянских усадеб, отрезания наделной земли и переселения на новые земли, необходимости проводить тяжелый выкуп. В деревне распространялось мнение о подложном характере объявленных законодательных актов, злонамеренном укрывательстве местными властями и помещиками истинной воли, дарованной императором. В крестьянской среде возникло не только разочарование объявленными условиями освобождения, но и пассивное и открытое сопротивление. Для подавления недовольства власти активно использовали всевозможные репрессивные меры,

стремясь локализовать очаги выступлений и устрани-
шить потенциальных бунтовщиков. Крестьянское
протестное движение становилось серьезным факто-
ром социального развития России, с которым власти
вынуждены были считаться, учитывать при проведе-
нии внутренней политики.

Конфликт интересов

Авторы декларируют отсутствие явных и потен-
циальных конфликтов интересов, связанных с пуб-
ликацией настоящей статьи.

Библиографический список

1. Из записок сенатора Я.А. Соловьева о крестьянском деле // Русская старина. 1882. № 3.
2. Российский государственный исторический архив. Ф. 1291. Оп. 1. 1861 г. Д. 20.
3. Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права. М.-Л., 1949. Ч. 1–2.
4. Успенский Г.И. Собр. соч. в 9 т. М., 1956. Т. 5.
5. Красный архив. 1935. № 5.
6. Русская старина. 1912. № 2.
7. Памятная книжка Воронежской губернии на 1911 г. Воронеж, 1911.
8. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 109. 4 эксп. 1861 г. Д. 233.
9. ГАРФ. Ф. 109. 4 эксп. 1862 г. Д. 120.
10. Крестьянское движение в России в 1837 – мае 1861 гг. М., 1963.
11. Государственный архив Тамбовской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1612.
12. Государственный архив Орловской области. Ф. 580. Оп. 1. Т. 2. Д. 1608.
13. Фурсов В.Н. Классовая борьба в деревне центрально-черноземных губерний пореформенной России. Воронеж, 1991.
14. Фурсов В.Н. Протест крестьян центрально-черноземных губерний в ответ на реформу 1861 года // История: факты и символы. 2017. № 3 (12).
15. Фурсов В.Н. Черноземная деревня в первые месяцы проведения в жизнь реформы 1861 года // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX вв.): сборник научных статей. Вып. 1. Тамбов, 2000.
16. Перепелицын И.А., Фурсов В.Н. Эволюция социальной психологии крестьянства Центрального Черноземья в пореформенный период // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2023. № 1. С. 120–130. DOI: 10.47438/2309-7078_2023_1_120.

References

1. Iz zapisok senator Ya.A. Solov'eva o krest'yanskom dele (1882) [From the notes of Senator Y.A. Solovyov about peasant affairs]. *Russkaya starina*. (3). (In Russian)
2. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive]. F. 1291. Op. 1. 1861 g. D. 20.
3. *Krest'yanskoe dvizhenie v 1861 godu posle otmeny krepostnogo prava* (1949) [Peasant movement in 1861 after the abolition of serfdom]. Moscow, Sankt-Petersburg, vol. 1–2. (In Russian)
4. Uspenskii, G.I. (1956) *Sobr. soch. v 9 t.* [Collection Op. at 9 t.]. Moscow, vol. 5. (In Russian)
5. *Krasnyi arkhiv* (1935) [Red Archive]. (5). (In Russian)
6. *Russkaya starina* (1912) [Russian antiquity]. (2). (In Russian)
7. *Pamyatnaya knizhka Voronezhskoi gubernii na 1911 g.* (1911) [Commemorative book of the Voronezh province for 1911]. Voronezh. (In Russian)
8. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* (dalee – GARF) [State Archive of the Russian Federation]. F. 109. 4 eksp. 1861 g. D. 233.
9. GARF. F. 109. 4 eksp. 1862 g. D. 120.
10. *Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii v 1837 – mae 1861 gg.* (1963) [Peasant movement in Russia in 1837 – May 1861]. Moscow. (In Russian)
11. *Gosudarstvennyi arkhiv Tambovskoi oblasti* [State Archive of the Tambov Region]. F. 4. Op. 1. D. 1612.
12. *Gosudarstvennyi arkhiv Orlovskoi oblasti* [State Archives of the Oryol Region]. F. 580. Op. 1. T. 2. D. 1608.
13. Fursov, V.N. (1991) *Klassovaya bor'ba v derevne tsentral'no-chernozemnykh gubernii poreformennoi Rossii* [Class struggle in the villages of the central black earth provinces of post-reform Russia]. Voronezh. (In Russian)
14. Fursov, V.N. (2017) *Protest krest'yan tsentral'no-chernozemnykh gubernii v otvet na reformu 1861 goda* [Protest of peasants of the central black earth provinces in response to the reform of 1861]. *Istoriya: fakty i simvol.* 3 (12). (In Russian)
15. Fursov, V.N. (2000) *Chernozemnaya derevnya v pervye mesyatsy provedeniya v zhizn' reformy 1861 goda* [Black Earth village in the first months of the reform of 1861]. In: *Tambovskoe krest'yanstvo: ot kapitalizma k sotsializmu (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) : sbornik nauchnykh statei*. Vol. 1. Tambov. (In Russian)
16. Perpelitsyn, I.A., Fursov, V.N. (2023) *Evolutsiya sotsial'noi psikhologii krest'yanstva Tsentral'nogo Chernozem'ya v poreformennyi period* [The evolution of the social psychology of the peasantry of the Central Black Earth Region in the post-reform period]. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. (1), 120–130. Available from: doi:10.47438/2309-7078_2023_1_120. (In Russian)

Поступила в редакцию 05.02.2024

Подписана в печать 28.03.2024

Original article
UDC 94(470.324)
DOI: 10.47438/2309-7078_2024_1_149

**AUTHORITY AND PEASANTRY OF THE CENTRAL BLACK EARTH REGION
DURING THE ANNOUNCEMENT OF THE REFORM OF 1861**

Ivan A. Perepelitsyn¹, Raisa V. Oboimova²

Voronezh State Pedagogical University^{1, 2}
Voronezh, Russia

¹*Postgraduate Student of the Department of History of Russia,
tel.: (473) 255-06-67, e-mail: iap98@mail.ru*

²*Postgraduate Student of the Department of History of Russia,
tel.: (473) 255-14-78, e-mail: raia789456852@gmail.com*

Abstract. The article examines the relations and actions of the authorities and the peasantry during the period of the announcement of the abolition of serfdom. Fearing a social explosion in response to the proposed conditions of agrarian reform, the authorities took a number of preventive measures aimed at minimizing peasant discontent and quickly suppressing their possible protests. The predominant reaction on the part of the peasants was the dominance of a feeling of disappointed hopes, disappointment, and the expectation of soon receiving a “real” will. Against this background, protests broke out in various places in the Central Black Earth Region, requiring the government and local authorities to carry out not only explanatory and propaganda activities, but also the use of harsh force suppression.

Key words: Russian peasantry, central and local authorities, abolition of serfdom, agrarian question, peasants’ attitude to reform.

Cite as: Perepelitsyn, I.A., Oboimova, R.V. (2024) Authority and peasantry of the Central Black Earth region during the announcement of the reform of 1861. *Izvestia Voronezh State Pedagogical University*. (1), 149–153. (In Russ., abstract in Eng.). DOI: 10.47438/2309-7078_2024_1_149.

Received 05.02.2024
Accepted 28.03.2024